

Ариадна
Борисова

**Когда
вырастают
дети**

Ариадна Борисова
Когда вырастают дети
Серия «За чужими окнами»

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6658020
Ариадна Борисов. Когда вырастают дети: Эксмо; Москва; 2014
ISBN 978-5-699-71096-6

Аннотация

Только представьте: вы давным-давно замужем, и ваши вечные соперники – тапочки и телевизор – уже давно завладели сердцем вашего мужа. Подрастает умница-дочка, уже сама входящая в возраст невесты, и надежд на любовь или мужское внимание у вас ноль. Но как раз в этот момент в дверь вашей квартиры звонят, и на пороге появляется... странный молодой человек с подозрительными усами, который уверяет вас, что является вашим давним поклонником! Дочь в шоке, у мужа брызжут из глаз искры от неожиданно обнаружившегося факта, что вы, оказывается, по-прежнему красивая женщина. Забавно, не правда ли? Но каких последствий ждать после этого?

Содержание

Сны старого двора	4
Сон первый, комедийный. Здравствуй, папа, Новый год!	8
Возраст флюидов	8
От добра добра не ищут	15
В Лимпопо, в Лимпопо, в Лимпопо!	25
Время младое незнакомое	31
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Ариадна Борисова

Когда вырастают дети

Сны старого двора

Когда-то Комсомольскую площадь окружали деревянные общежития-бараки, ныне уже снесенные. Дети вообще их не видели, а знают только, что американского президента Обаму зовут Бараком. Вместо тех общежитий люди построили крупнопанельные каменные дома, и площадь незаметно превратилась в двор, такой обширный, что произносить нужно с большой буквы – Двор. Еще в прошлом году он служил шести корпусам: одно здание развернуто фасадом к дороге, второе углом и четыре друг против друга. Дальше зиял пустырь, окаймленный полосой густого кустарника, из которого без разбега взмывает к небу крутая краснопесчаная сопка – Красная гора. Тропинка к бору ведет с другого, не отвесного, склона, со Двора не видно. Ребяшня в любое время года гоняла на пустыре в футбол, а весной там возвели седьмой дом, и Двор со стороны сопки замкнулся. Высоко-высоко на ней темнеет сосновый бор, богатый под осень рыжиками и маслятами. Район Красной горы считается окраиной города, хотя какая это окраина – центр через четыре улицы. Многонаселенный Двор сам-то как городок.

Напротив углового дома расположился парк Новогодний. Не поднялась рука у строителей на древнее дерево – ель-бабушку, окруженную дочерью и пушистыми внучками. Рядом люди посадили березы, и вырос лесок. Он занимает от силы тридцать соток, так что называть его «парком» немного чересчур, но горожане любят этот уголок и ухаживают за деревьями. К зимним праздникам родители малышей наряжают ели игрушками.

Лесок упирается в белый магазин, похожий на торт, с простым радуиным названием «Хлебный». Здесь всегда вкусно пахнет свежей выпечкой и, к сожалению, выхлопными газами. Мимо магазинного окна то и дело шныряют автомобили. Двору не по душе шершавое движение шин по телу. Грунтовая в том месте поверхность неприятно вибрирует и гудит.

Позади парка выстроилась шеренга кирпичных гаражей. За ними в стихийном нагромождении незаконных гаражей-вагончиков, как атаман на коне в гуще пеших разбойников, стоит незавершенное здание. Городские власти постоянно грозятся снести вагончики и освободить подъезд к заброшенному строению, да все руки не доходят. Величественный дом с колоннами, предназначенный для каких-то общественных целей, начали возводить в советское время, но довести до сдачи не успели. Сооружение пережило все депутатские и чиновничьи обещания позаботиться о нем, смену государственного строя, массу политических событий и троих полукриминальных хозяев. Имя теперешнего владельца сохраняется в тайне.

Дорога сворачивает от «Хлебного» и ведет на улицу, вдоль и поперек исхоженную ногами юных жителей Двора. Заканчивается она школьной аллеей и, соответственно, школой. Улица недлинная, но бойкая, с обилием мелких кафе, киосков, магазинов, а посерединке, испуская вечером стеклянное апельсиновое сияние, красуется огромный супермаркет «Кипежград». Впрочем, Двору мало что известно о соседних улицах, он же на них не заглядывает. Зато в курсе секретов своих обитателей. Черпает новости и слухи у пенсионеров, отдыхающих на расставленных повсюду скамейках. Ему нравится легкий стариковский треп, вовсе не такой уж ядовитый и порицательный, как полагают молодые. Скорее информативный. И воспоминания о прошлом Двор любит. Тоже есть что рассказать о боевой комсомольской молодости.

Во времена существования площади люди жили бедно, несыто, но дружно, и пирожки в общих кухнях стряпали сообща на всю детвору. А дети подкармливали бродячих собак и кошек. В нынешнее же время соседи даже на одной лестничной площадке порой еле знакомы. Кивнут друг другу и разбегаются по своим делам. Все куда-то спешат, никто не обращает внимания на приبلудившуюся ко Двору кошку-сиротку. Когда кто-нибудь подходит с мусором к бакам, где она сидит чаще всего, Двор затаивает дыхание. Посылает весть: возьмите бедолажку, возьмите! Не берут. Не слышат мольбы о помощи.

Если приладить к слову «весть» приставку «со», как предложение к взаимодействию, получится «совесть». Наверное, у людей повредился коммутатор приема вестей и с приставкой это слово не принимает.

Честно сказать, без совести людям жить легче. Огорчений меньше, сон спокойнее. Занятому человеку только мешает ее надоедливый глас, времени не напасешься слушать. Да хоть бы эта брюзга похвалила разок за добрую мысль – не дожدهшься. Вечно чем-то недовольна, не поймешь, чего требует, в чем обвиняет. Прокурорша нашлась... Двору кажется, что так думают некоторые дамы и господа. Будь у него язык, ох и устроил бы он им выволочку! Увы, негде языку разместиться. У Двора и головы-то нет в стандартном представлении.

Отдельные человечьи особи приспособились болтать языками без всякого участия мозгов. Но напрасно считается, что Двор не имеет собственных мыслей и мнений. Еще как имеет! Не зря же он, вольно или невольно, одушевлялся на протяжении жизни четырех поколений людей. Привыкнув размышлять на их языке, Двор перестал понимать кошачье мяуканье, шелест деревьев и щебет птиц. Так перед ребенком зарастает кожицей человеческих слов хрупкая молвь остального мира, которую дети понимают, пока не начинают говорить.

Если бы Двор мог разговаривать, он бы первым делом поблагодарил одну славную женщину. Когда еще училась в школе, она написала сочинение на тему «Почему мы любим наш двор». Двор сказал бы ей спасибо за сердечный отзыв о его службе и спросил бы, как умудрились люди потерять смысл множества слов.

Комсомольская площадь была твердо уверена, что слово «любовь» означает чувство, и удивилась бы выражению «заниматься любовью». Определений у этого физиологического акта в любой части речи воз и маленькая тележка. В скабрёзном фольклоре любовь близка к категории овоща, с которым рифмуется, поэтому ее, как овощ, можно купить, продать, расплатиться ею за услугу, – в общем, с помощью любви можно произвести кучу операций в сфере рыночных отношений. Понемногу блатной жаргон и площадная (дворовая) лексика объединяют свой соленый состав. Знакомые домовые жалуются Двору – хозяева без матюгов шагу не ступят, уши завяли... А гривуазный глоссарий тянет к себе вниз все новые и новые слова, шарит липкими пальцами в пластах устаревающего сленга. Раньше алкоголики, выйдя во Двор, невинно предлагали приятелям «трахнуть по маленькой». Нынче такое словосочетание чревато эхма какой статьёй...

Двор покряхтывает, стыдливо вздыхает: опять разворчался к ночи. Что поделаешь – старик... Ай! Или старуха?! Один политик сказал: «Если бы у бабушки были определенные половые признаки, она была бы дедушкой». Двор вычитал это мудрое политическое изречение в газете. Он много чего узнает из содержимого урн. Бог миловал, нет у него биологических и гендерных признаков пола. А то бы мозги сломал, прикидывая, куда спрятать от женщин одну из двух главных образующих низкопробного словаря, схожую очертаниями с Царь-пушкой... М-да. Пожалуй, он все-таки мужчина.

Как всякой пожилой личности, Двору иногда хочется почитать нотации влюбленным старшеклассникам. Свидания они обычно назначают друг другу в Новогоднем парке и некоторые ой-ё-ёй что творят! «Поцелуй меня везде, что-то где-то (забыл) мне уже». Песня.

Двор слышал тысячи песен, попробуй запомнить. В этой рифма совсем неправильная. Вертится на уме что-то более подходящее к слову «везде»... Тьфу ты, не вспомнить никак. Склероз. Двор сурово предостерег бы поцелуйчиков: «Песня песней, но могут быть и дети. Заводить детей детям рано». Пересказал бы им недавно прочитанную статью о квартирном вопросе, особенно остром для большинства молодых родителей.

Двор нежно покачивает свое ненаглядное дитя: «Спи, малыш, баю-бай...» Да, несмотря на отсутствие репродуктивных органов, он исполнил свой мужской долг по продолжению рода. Детская площадка – поздний ребенок. Ее оборудовали, завершив строительство шести домов. На звонкоголосой баловнице кокетливая девчоночья панамка в виде мухомора, но кто она – девочка или мальчик – не очень ясно. Вся в папу. Маленький дворик с одинаковым упоением лепит с девочками песочные куличи и возит с мальчиками грузовики по горкам. Или играет в войнушку...

Плоская отцовская грудь трепещет под асфальтовой броней. В углу песочницы похоронен забытый кем-то игрушечный автомат. Ветер осени забросал оружие листьями, время засыпало песком... Двор смутно помнит: повзрослевшие мальчики уходили с площади Комсомольской... Так давно... Ни один не вернулся.

Время идет, уходят дети. Что бы Двор ни думал о нежелательности ранних браков, он рад рождению новых людей. Ему подарена уникальная возможность наблюдать за человеческими птенцами день за днем, год за годом, от первых шажков до вылета из родительского гнезда. «Юность летит как крылатая птица, взлетит и умчится...» Как жаль, боже мой, как жаль! Но двор недаром подозревает в себе наличие мощного биополя: не те ушедшие на войну комсомольцы, но другие выросшие дети не однажды возвращались. Взрослые игры на поверку оказываются утомительными, а возраст отнюдь не панацея от ошибок. Двор изо всех сил старается вернуть мальчикам и девочкам их самих, настоящих.

Дворик детства примостился на груди старого двора доверчиво и уютно, как малая родина в большой. Здесь, в нехитрой конструкции железных горок, лесенок, турников, укрепляется иммунитет, оберегающий человека от равнодушия к месту, где он появился на свет. Первые синяки и шишки, полученные на щадящем песке детской площадки, можно считать прививками. Человек учится падать и вставать. Все потом поменяется – внешность, мысли, чувства, друзья, окружающий мир – и только тяга к родному Двору останется прежней. Людей всегда тянет туда, где их любили и любят.

Двор не представляет себя без людей. Кто он без них? Так, пустое место. Как ему жить, безлюдному? Никак не жить. Вот что такое любовь. А вы говорите... Но люди его удивляют. Они непредсказуемы. Люди любезны с посторонними, с близкими же часто грубы, и обижают их чаще, чем чужих. Судят строже, не в силах простить, мучают и мучаются сами, а если прощают, то так, что лучше бы ушли. Или уходят не до конца. И даже если совсем уходят, – мечутся, ищут другую любовь, оставляя после себя угли потухших костров, хотя знают в душе, что не найдут. Ох, люди! Сколько их – столько ошибок, и нет страшнее ошибки, чем опоздать с прощением и прощением. С раскаянием... Двор не раз видел, как людей увозили в закрытых ящиках с цветами в тот таинственный двор, откуда не возвращаются...

Но вот потемнели окна, за которыми живет красивая молодая женщина с волосами цвета скошенного поля. Гаснут окна. Там, где оранжевые шторы, светло: мальчик, влюбленный в девочку из нового дома, читает перед сном. А желтая лампа в доме напротив будет гореть долго. Журналистка обязана сдать завтра утром большой материал на пятничную «толстушку».

В домах еще не спят, за окнами – суетливая, пестрая, неповторимая жизнь. Один французский писатель назвал ее человеческой комедией. Сложный жанр, но праздничный, в

финале почти всегда примирение. Ночами Двор видит человеческие комедии-сны и никак не может понять: сны – это жизнь людей, или жизнь людей – сны?..

Пора на боковую. То есть для Двора скорее на спиновую. Он устраивается поудобнее. Скоро придут сны.

Двор любит, любим и счастлив новыми наблюдениями: следами двух пар сапожек на детской площадке; именем «Надя», вырезанным перочинным ножом на спинке скамьи в Новогоднем парке; очертаниями фигурки девушки в квадрате бьющего из подъезда света; летучей тенью юноши на стене... Ничто не вечно под луной, но не может же все, что Двор любит, просто взять и исчезнуть! Этого не может быть, потому что этого, как очень правильно заметил один русский писатель, не может быть нико... Ш-ш-ш... Тихо...

Сон первый, комедийный. Здравствуй, папа, Новый год!

Возраст флюидов

Всякий человек помнит запахи детства. Женя любила войти с бабушкой в нагретую солнцем теплицу, приготовленную для огурцов, и крепко втянуть в себя терпкий воздух. Он был полон мощных запахов земли, шампиньонов и медных монет, как они пахнут в запотевшей ладошке. Восемилетняя Женя тогда понятия не имела, что этот притягательный аромат испускает выветренное, но вполне натуральное удобрение навоз.

Она видела, как соседский бульдог нюхал цветы. Значит, у него было нестандартное, по собачьим меркам, обоняние. Неправильный пес бежал-бежал за хозяином и вдруг резко остановился возле клумбы с анютиными глазками. Он нюхал их с таким наслаждением, словно ему посчастливилось наткнуться на миску сладких косточек. Никто над бульдогом не потешался, и брылястая морда сияла блаженством. А мама с папой обидно посмеялись над обонятельными восторгами Жени. Папино объяснение, откуда берется навоз, напрочь убило всю прелесть тепличного аромата. С тех пор Женя стала относиться к овощам с подозрением, моет их горячей водой с хозяйственным мылом и обдаёт кипятком. Вообще редко ест салаты.

Вкус к музыке тоже закладывается в человеке с детства. Классическая музыка звучала вокруг Жени все ее шестнадцать с половиной лет, но с тех восьми она больше не доверяет первым впечатлениям нюха, взгляда и слуха. Поэтому и чувство противоречия у нее обострено. И вот сегодня, как только папа затянул свои гаммы, Женя из чувства противоречия включила старый хит про кошку.

Когда-то Женя мечтала завести котенка. Мама не разрешила – у папы от шерсти мог образоваться аллергический ринит. Теперь мама говорит, что кошачьи флюиды, то есть «излучения пубертатного возраста», скоро попрут из самой Жени. Вот исполнится в марте семнадцать, и попрут.

Из большинства одноклассников флюиды уже не просто прут, а прямо-таки фонтанируют. По словам Ирэн, физиологический интеллект в их возрасте опережает в развитии мышление. Ирэн – Ирина Захаровна, классный руководитель 11-го «б». Симпатичная и не очень старая, ей, кажется, нет тридцати.

Мама полагает, что Женя не созрела до эротических эманаций и не думает целыми днями о мальчишках, как ее сверстницы. Это правда, но и о госэкзаменах она, честно говоря, не думает. Учится средне. На дворе снежный ноябрь, а дочкина жизнь уже сплошь состоит из маминой головной боли. Женя полдня сидит за уроками, чтобы не расстраивать родителей. Под носом – учебник, глаза косят в полуоткрытый ящик стола, где лежит круглое зеркало с пятикратным увеличением. Если мама заглядывает в комнату, Женя делает вид, будто всем организмом углублена в учебу и, кроме ЕГЭ, ни о чем не помышляет. В такие моменты Женю особенно сильно что-то раздражает и что-то ей, наоборот, очень нравится. Сегодня, например, раздражают папины распевки и жуткий холод в новой квартире (мама с гордостью говорит «улучшенной планировки»), из-за которой пришлось переехать в район Красной горы и поменять школу. А нравится журнальная фотография Ренаты Литвиновой, актрисы с мягкими движениями и мяукающим голосом.

Женя кокетливо откинула ладони, прижала их к лицу: «Ой, я так ва-а-алнуюсь...» Голос «литвиновский» – акающий, протяжный, как у истомленных зимними туманами

ямщиков. В зеркале размером с лицо Женя видит себя в полный рост. Талия затянута лакированным ремешком, юбка-колокол сдержанно подрагивает и шуршит от крахмала – так девушки одевались во времена бабушкиной молодости. Зеркало позволяет рассмотреть чудные красные туфельки на шпильках. Взгляд бежит дальше – к цветам и афишам, к очереди поклонников от восемнадцати до двадцати семи. Отражаясь в их восхищенных глазах, сверкает ослепительная Женина красота... Вероятно, мама права, и дочь помаленьку наполняется преждевременными флюидами.

Раньше Женя считала, что мир взрослых таинственный и занятный, и умны они все поголовно. Ошибалась, конечно. Должно быть, человек взрослеет, когда начинает это понимать. Ужасно грустно, зато можно не препятствовать взрослым мыслям и пустить их на самотек. Женя, честное слово, не думает о мальчишках. Она думает о настоящем мужчине. У него спортивная фигура, ноги длинные и прямые, как у жеребца арабских кровей. Улыбка как из рекламы зубной пасты, очи – шекспировского Ромео. Он итальянец? Нет, Женя не любит спагетти. Пусть он будет испанцем. Зовут его... м-м-м... допустим, Родриго. Звуки в испанском языке напористые, с сочными, раскатистыми южными оттенками: гитар-ра, сигар-ра... По-русски Родриго зовут Игорем. Отец Родриго-Игоря, советский дипломат, с риском для жизни вывез его маму из Мадрида в годы политического кризиса. Там была фееричная романтическая история, Женя придумает ее потом.

Настоящий мужчина ничего не знает о своей невесте, живущей пока что далеко от него, только предчувствует в глубине души. Однажды эта девушка то ли померещилась, то ли приснилась ему под утро. Ни одна другая не похожа на нее, неуловимую, как наваждение. Родриго-Игорь не выдает тоски по прекрасной незнакомке, ведь он генеральный директор крупной русско-испанской компании. Гениальный менеджер, персоне *vip*. Личный шофер подвозит его в московский офис на коллекционном «Лексусе». Молодой директор отдает распоряжения исполнительному планктону и удаляется работать/мечтать в кабинет величинной с трехкомнатную квартиру. По деловито-скромному поведению Родриго-Игоря не скажешь, что он умопомрачительно богат и романтичен. Он старше Ромео лет на десять, Женя на столько же младше Литвиновой, но такая же плавная и женственная. Жених и невеста встречаются совершенно случайно, когда...

– Сию же минуту выключи магнитофон! – кричит папа трагическим голосом, и Женя возвращается из взрослых мыслей в свое неустойчивое время. Взрослые, с их манией все конкретизировать, называют это промежуточное время юностью. Оно ни туда, ни сюда, болтается в диапазоне отрочество-молодость, как карандаш в пенале. В результате юный человек вынужден обтачиваться к жизни сам по себе.

Жаль, что роскошной Литвиновой Жене не стать. Внешне она похожа на папу, а папа – на дедушку. Каштановая шевелюра деда Паши напоминает дворницкую метлу, лицо могло быть чуть поуже, глаза – чуть поменьше. Правда, на фотографии они вытарашены в крайнем ликовании, потому что в руках таймень почти с самого рыбака.

Все-таки Женя явно не доросла до понимания некоторых вещей. Мама в юности, наверное, тоже мечтала о своем настоящем мужчине. Каким образом она обнаружила его в папе? Выбора тогда не было, или настоящие мужчины круто меняются под воздействием семейной жизни? А может, они – обычная возрастная фантазия, как Дед Мороз у детей? Последнее письмо этому мифическому разносчику подарков Женя написала в третьем классе. «Дорогой Дед Мороз, подари мне, пожалуйста, карликового котенка размером с мышь...»

«Я буду вместо, вместо, вместо нее твоя невеста», – нахально известил магнитофон механическим голосом Глюкозы. Его перебил страшный папин стон:

– Евгения, ты хочешь моей смерти?!

«Взрослым» именем Женю дома называют, когда сердятся, в остальное время – Женечкой. В сердцах она выдернула штепсель вместе с розеткой. Нормальные люди давным-давно обзавелись какими-нибудь девайсами с музыкой, а тут все системы старые. Есть даже древний проигрыватель с пластинками, папа говорит – музейная редкость. Он и сам – редкость, солист Театра оперы и балета. Такой ведущий примадонн. У него драматический тенор. Папу хлебом не корми, дай попиариться в средствах массовой информации. В рубриках о культуре журналисты пишут о его богатом оперном и концертном репертуаре, музыкальной эрудиции и отличном знании эталонных исполнений. Что-то там еще об артистическом обаянии...

О мамином обаянии – ни слова, ни в одной заваливающей газетке. Мама преподает английский язык в обыкновенной средней школе и отсчитывает свою жизнь часами: столько-то учительских часов в неделю, столько-то репетиторских. Радует, что с грехом пополам хватает платить за ипотеку.

Педагоги начала прошлого века имели возможность побывать по льготным ценам на ознакомительных экскурсиях в заграничных школах. Эта привилегия полагалась земским учителям наряду с ведомственным жильем и бесплатными свечами. А участь современного российского учителя такова, что хоть фэйсом об тэйбл забейся, – даром ничего не получишь. Недавно мамина ученица, дочь владельца супермаркета «Кипежград», съездила на каникулы в Англию и вручила маме туристический буклетик со словами: «Там было клево! Совсем-совсем как вы рассказывали!»

Свободное время мама жертвует слезке за дочерью и служению талантливому мужу. К тому же в мамины обязанности входит почти вся домашняя работа, кроме починки кранов. Женя пыталась завернуть протекающий в кухне кран – безрезультатно, еще сильнее капало. Мелким ремонтом сантехники, по идее, должен заниматься папа, но он не умеет, или, скорее, не хочет. Он в доме главный, поэтому ничего не делает. К тому же нынче его нельзя беспокоить: у папиного тенора случилась нестыковка с ариозо Ленского.

А кран капает. Мама, вздыхая, подставляет губку, чтобы не долбило, как по камню. Капля же и камень точит. Терпение у Жени не мамино и тем более не каменное. Она представляет, как подойдет сейчас к папе чеканным шагом и поверх его вокальных упражнений мужественно напомнит об угрозе кухонного наводнения.

Мысленно Женя сказала это очень храбро. А папа в ее голове возмутился и принялся стенать, что все, кому не лень, норовят наступить на горло его песне, и т. д., и т. п. На что Женя, опять же мысленно, холодно ему ответила: «Кран закрой».

Этот диалог так и остается в воображении. На деле Женя, разумеется, молчит, папа и слушать ее не станет.

В голове нарисовались весы с домом на одной чаше и сценой на другой. Дом сцену не перетянул. А может, где-то за нею скрывался зал театра. Куда маме с Женей против двухсот с лишним зрительских мест!

...Летом, на песке у курятника в бабушкином дворе, среди квохчущих кур вышагивал надменный петух с иззелена-рыжим хвостом. Его золотые глазки-бусины настороженно наблюдали за хозяйкой – богиней кормов и финальной кастрюли. Когда дело доходило до житейских куриных проблем, глазки петуха заволакивались пленкой презрения и досады. Время от времени он распускал хвост дугой и клекотал, пробуя горло к утренней поверке. Плевать было этому эгоцентристу на окружающую среду. Так и папа. Важнее всех для него Мельпомена, а жена с дочерью где-то сбоку. Вернее – побоку.

– Женя, прости, пожалуйста, я не смогу пойти на концерт... Педсовет, – говорит мама с умоляющими нотками в голосе.

Это не Жене. То есть Жене, но не дочери, а мужу. У них одинаковые имена и, соответственно, фамилии. Они оба Евгении Шелковниковы, что Женю раздражает, хотя к своему

имени она не относится отрицательно, ведь другого у нее нет. Просто странно: такое впечатление, будто колбасно-джинсовый дефицит, о котором с такой неувядающей ностальгией вспоминают родители, распространился и на имена.

– Как хочешь, дорогая, – слышен папин притворно безучастный голос. – Дело не подневольное.

Мама с горечью спрашивает:

– Тебе все равно?

– Ах, оставь, Аня! Ты знаешь – мне не все равно! Это ты равнодушна к моему творчеству, несмотря на то что Ленский меня истерзал! – голос повышается с каждой фразой. – Между прочим, это моя премьера! По сравнению с ней твои школьные собрания, извини, – мелочь, чепуха! Их у тебя в год миллион, этих педсоветов!

Понятно: если Женя не пойдет на премьеру, мало ей не покажется. Папе по барабану, что заставлять человека слушать одно и то же сто раз дома, а потом в театре – подлинный садизм.

Папа творит собственный образ Ленского, ищет серьезного однолюба вместо оторванного от жизни «осьмнадцатилетнего» мечтателя. Кто знает, каким Ленский был на самом деле? Читатели же знакомы с ним заочно, со слов Александра Сергеевича, еще того насмешника. Но Жене все-таки кажется, что расхождения у папы не с персонажем знаменитого романа, а с автором. Самому герою тоже может не понравиться задуманный папой вариант. Она содрогнулась: ох, сколько же искаженных артистами ленских и онегинских жалуются на том свете солнцу нашей поэзии! А сколько гамлетов и отелло дергают бедного Шекспира как ромашку? «Быть не быть, любить не любить, к сердцу прижать, на фиг послать...» Театр – вечный спиритический сеанс, фабрика призраков. Становились бы эти фантомы материальными, давно б уже случился демографический взрыв... Пожалуй, не стоит поступать в театральные институты.

Глядя в зеркало, Женя скопировала мученическую гримасу папы, передразнила шепотом его атаки на маму: взмах рукой, пренебрежительный тон в слове «педсоветов». Недавно где-то слышала подобное. Тонко чувствовать нюансы эмоций в звуке – дедовское наследство... Вспомнила: химера (учительница химии) вчера после контрольной сказала, что большинство будущих выпускников – кандидаты в ассенизаторы. «Педсоветы» и «ассенизаторы» произносятся в одной тональности, творчество папы – в высокой октаве. Женя оскорбилась за мамин педагогический кворум и, подхлестнутая обидой, высунулась в гостиную.

– Ну? – спросил папа. С таким выражением лица Юлий Цезарь в известную минуту воскликнул: «И ты, Брут!»

Женя не вняла скорбному лицу полководца и дерзко заявила, что, если бы какой-нибудь графоман вроде Ленского целыми днями пел ей, как он влюблен в нее и счастлив-счастлив, она бы сама с удовольствием его пристрелила. Папа от моментальной ярости едва не задохнулся, но тотчас прокашлялся и закричал о диких детях, свинском отношении общества к культуре и власти денег. Последнее в том смысле, что все на свете теперь можно купить за просто: землю, бриллианты, образование в виде диплома, науку в виде диссертации. Все, кроме одного.

– Кроме таланта! Да! Ни за какие коврижки! Талант – от Бога, а Его ничем не купишь! Талантливый человек всегда стоит над толпой, он сам – творец! – кричал папа страстно, но не очень громко, жалея связки. – Быть творцом – возвышенное страдание, остальным этого не понять!

В мамин скромный учительский огород и, потенциально, Женин смачно шлепнулись булыжники безнадежной посредственности. У мамы дар преданности и самопожертвования, но люди почему-то не считают его талантом, хотя без оперного пения можно прожить, а без любви нельзя.

Дед Паша считался первым парнем на деревне – был запевалой в народном хоре, играл на баяне, частушки сочинял на ходу. Папа стал «первым парнем» в театре. На Жене природа, видимо, решила отдохнуть. Не совсем, но явно обленилась. Творческие позывы Женя ощущает только у зеркала. В нем она умеет отражаться многими политиками, обоими родителями и отчасти – Ренатой Литвиновой.

Куда же податься после школы? Мама хочет, чтобы Женя поступила в медицинский.

«Всю жизнь вожжаться со всякими органами и вместо человека видеть букет болезней? Благодарю покорно», – разговаривает Женя с мамой по пути в школу. Мамы рядом нет. Она работает в другой школе, и ушла раньше, но дочь очень надеется решиться на эту беседу в недалеком будущем. «Не выйдет актрисы? – отвечает она сомневающейся маме. – Тогда попробую себя в эстраде. Ну и что, что нет папиных вокальных данных. Зато хороший слух, музшкола и голос, сама говорила, довольно милый».

Женя вздыхает: тут на мамины гипотетические возражения ей ответить нечем. Для поповской сцены больше важны не слух и голос, а отец-олигарх. Или наглость, возведенная в степень искусства.

– Привет, – хмуро бурчит Женя однокласснику Дмитриевскому и пропускает его вперед по школьной тропе. Дмитриевский живет в одном из соседних домов. Кто самый наглый в классе, так это он. Смотрит прищурившись и ухмыляется, словно добыл на Женю какой-то компромат.

Она увлеченно перебирает свои проступки, начиная с первого класса, и не без разочарования признается себе, что в ее коротеньком досье нет ничего, за что можно было бы зацепиться и обнародовать с позором. Вряд ли Дмитриевский умеет читать мысли, а снаружи Женя – пай-девочка. Он, кстати, и сам весь «белый и пушистый». Не матерится, не пьет пива, не курит. Занимается спортом. Наглость его выражается в многозначительных взглядах и обидной ухмылке. Дмитриевский слывет продвинутым, потому что читает все положенное и неположенное школьной программой. Причем не в комиксах и даже не в кратком изложении. Изображает из себя интеллектуального перца (боится показаться ботаном). Пишет стихи и заметки в школьную газету, рисует красиво... Ирина Захаровна убеждена, что он самый талантливый и начитанный в классе.

Женя тоже любит книги, но никому это не интересно. А она и не собирается проталкиваться локтями в лидеры книгоедов. Очень надо. Ей не нравится новая школа, и класс не нравится. Ирина Захаровна – единственный человек, из-за которого Женя согласна вытерпеть остаток учебного года. И не она одна. Если бы не Ирэн, Миша Шишкин протирал бы штаны в ПТУ. Классная упорно тянет отстающего по литературе Мишу к аттестату зрелости, будто заключила с кем-то пари, что выведет парня в люди.

В начале сентября Ирэн возила класс на экскурсию по реке на теплоходе. Было солнечно, вода и небо синие, берега живописные – желто-багряные, местами с летней прозеленью. От радуги красок и ветра в лицо ребята расслабились. Пользуясь случаем, Ирэн оптимистично принялась ломиться к ним в души с детской игрой в рифмы. Вспомнила, видимо, «Незнайку»:

– Скалка!

– Палка, – лениво откликнулась Женя по той же ассоциации.

– Русалка, – сказал айтишник Леха Гладков.

Ребята перемигнулись: Ирина Захаровна и есть «русалка». Учительница русского языка и литературы.

– Птичку жалко, – всхлипнул Дмитриевский, как Шурик в старом фильме.

Миша Шишкин стоял рядом мрачнее тучи.

– Чалка, – продолжил он, тяжело вздыхая.

– Нет такого слова.

Шишкин уныло возразил:

– Имя это. Кобылино имя.

Раздались первые смешки.

– Одну лошадь на ипподроме так звали, по чесноку, – Шишкин даже руку к сердцу приложил.

– Не пойдет, – упорствовала въедливая Ирэн.

– Калка тогда, – раздражаясь, сказал он. – Калка – пойдет?

– Что такое калка?

– Какушка, – пояснил Миша с отвращением. – Которая для врачей. На медицинском – анализ, по простонародному – калка.

Ирэн чуть не заплакала с горя. Ребята, обвисая на перилах и рискуя свалиться за борт, ржали как лошади Пржевальского.

Шишкин смешной, медлительный и большой, как медведица в картине художника-однофамильца. Только он не медведица, а медведь. Два метра без десяти сантиметров, центнер с лишним веса, и размер обуви зашкаливает за сорок седьмой. Где-нибудь на юге Шишкин мог бы отжимать своими ножищами виноград, цены бы ему не было, здесь же эти лапы не приносят никакой пользы и зимой мерзнут вдвое больше, чем у людей человеческого роста. Сигареты Мише продают с восьмого класса, не спрашивая паспорта.

Шишкины родители не подумали о ФИО-сочетании сына, и Женя тайно ему сочувствует. Быть Евгенией Евгеньевной (масло масляное) тоже радости мало, но все же лучше, чем три шипящих и дразнилка Мишка-Шишка.

Дмитриевский на втором месте по росту и величине ног. На уроках Женя спиной чувствует, как он смотрит на нее с дурацкой ухмылкой. Женя невольно выпрямляется, слыша в голове мамыны всегдашние наставления о правильной осанке и сколиозе. Изредка, когда Дмитриевский с Шишкиным начинают о чем-нибудь спорить и размахивать руками, до Жени долетают запахи тушенки и кефира. Тушенкой несет от Шишкина. Неудивительно – мяса на нем много. К кефиру Жене хочется принюхаться сильнее, и это ее злит. Странно, что у мерзкого Дмитриевского приятный запах. Женино обоняние равнодушно к кисло-молочным продуктам.

Компьютерщика Гладкова отсадили на камчатку, чтобы никого не отвлекал своими гаджетами. Леха – модератор школьного сайта, уважаемый всеми, не исключая завуча по воспитательной работе. С молодым учителем информатики на «ты», Женя собственными ушами слышала. Думать о Гладкове без компьютерных терминов невозможно. Юзеры тихо обижаются на его баны, а походя съездить кому-нибудь по шее за троллинг он может и в реале на перемене, благодаря чему контент на веб-странице редкостно благопристойен.

Гладкову бояться нечего – Шишкин и Дмитриевский всегда рядом. Эта тройка дружит с детского сада и живет недалеко от Жени, в одном дворе. Ирэн зовет их «три богатыря». Васнецов бы услышал и выпал в осадок. Первые двое еще кое-как сойдут за былинных героев, если не будут бриться ближайšie пятнадцать лет, а сходство Гладкова с Алешей Поповичем только в имени. Леха мелковатый, тощий и любит ходить в черном, хотя не гот. Волосы он не мыл предположительно с прошлого года. От него разит гремучей смесью хорька, дешевого дезодоранта и сигарет «Петр I» (вот кому покупает сигареты некурящий Шишкин). Мальчишки в классе, и параллельных тоже, вообще, мягко говоря, неблагоуханные. Из-за этого физрук называет их раздевалку «амба и уксус».

...А настоящий мужчина Родриго-Игорь ничем не пахнет. Не курит. Не ковыряется в носу, не скатывает сопля пальцами и не намазывает их под сиденьем, думая, что никто не видит. Не зеваает с челюстным хрустом и подвыванием, с выражением лица, присущим кретину, не вертит карандаш в ухе, не рыгает после столовки, открыв рот буквой «о». Совсем не издает неприличных звуков. Изысканный костюм льется с прямых плеч Родриго-Игоря,

как струи дождя. Волосы цвета эбенового дерева откинута, на высоком лбу ни одного прыщика. С угрями Родриго-Игорь незнаком по определению... До Жени вдруг доходит, что ее настоящий мужчина – манекен. Она видела его в витрине супермаркета «Кипежград». Там и одежда продается, которую манекен рекламирует.

Почему изобретатели не придумали ароматизировать манекены? Мужчинам было бы интереснее и легче искать духи в подарок своим дамам к 8 Марта. Женино воображение живо набросало выставку полиуретановых красавиц, от которых исходят легкие нотки парфюма... Фу. Значит, раз в год Родриго-Игорь станет нюхать женщин. Это Жене не нравится, пусть женщины и ненастоящие. Да, чуть не забыла: он и сам должен пахнуть по-человечески. Ряженкой, например.

Судя по сегодняшним размышлениям и прожитой жизни, Евгения Шелковникова – нестандартный человек. Как соседский бульдог, питающий страсть к цветам. Сразу не разберешься, хорошо это или плохо. Выяснится, наверное, только в старости. Или никогда.

Где-то в ожидании истинной любви бродят правильные мужчины, но настоящей взрослости, очевидно, не существует. Похоже, старшие выдумали ее для того, чтобы придать больше значения физическому росту и половой зрелости.

Интересно, есть ли на свете вуз для нестандартных людей, где обладателей патологически чутких носов учат редким профессиям дегустаторов пищи и парфюмерии? А может, изоощренные Женины рецепторы – издержка возраста?

А эротические флюиды иссякают когда-нибудь?